

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемеше, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Генерал Кравчук резко воткнул тлеющий окурок в стальную пепельницу, аж искры во все стороны полетели.

— Всех положили, говоришь? — прошипел он, глядя на полковника так, словно собирался его пристрелить.

— Т-так точно, — слегка заикаясь, проговорил полковник.

Но генералу его ответ не требовался.

Он смотрел сквозь офицера и видел то, что не раз ему приходилось наблюдать за годы военной службы.

Трупы солдат. Перечеркнутые, разорванные очередями крупнокалиберных пулеметов. И кровь, которой всегда бывает много в подобных случаях. Большие лужи крови, медленно впитывающейся в отравленную землю Зоны.

— Значит, какие-то гребаные ученые с Куписты расстреляли роту штурмовиков с Вильчи, а вы так и не смогли ничего сделать?

От зловещего генеральского шипения у полковника выступил холодный пот на лбу, и ледяная капля неприятно прокатилась по коже между лопаток. Генерал Кравчук был известен своим крутым нравом и звериной жестокостью при выполнении боевых операций, которые благодаря этим чертам его характера в основном заканчивались успешно. Дать в челюсть подчиненному пудовым

кулаком для генерала было как «здравствуйте» сказать, и на это высшее начальство закрывало глаза, потому что лишь такой командир мог хоть как-то решать проблемы в Чернобыльской Зоне. Другие предпочитали вообще не отправлять туда личный состав, опасаясь понижения в должности вследствие практически неизбежной гибели штурмовых групп.

Но Кравчуку везло. Бойцы, посланные фактически на верную смерть, почти всегда возвращались обратно, выполнив задание. И потому Кравчуку многое сходило с рук.

— Разрешите доложить, — задавив страх отчаянием, рявкнул полковник. — Два звена Ми-2МСБ уничтожили научный центр на озере Куписта ракетными ударами. Но оказалось, что под ним находится целый подземный город, который нашим ракетам не по зубам. Там армированная бетонная подушка толщиной...

— Мне наплевать, какая толщина у той подушки! — заревел генерал. — Пошлите снова туда ваши эти два вертолетных звена. Пусть сбросят бетонобойные бомбы, а потом зальют этот гадючник напалмом. Вопросы есть?

— Бомбы у нас остались со времен СССР, — проговорил полковник, спина которого была уже полностью мокрой от пота. — Но... где ж нам взять напалм?

— У американцев с северных кордонов позаимствуйте, союзники ж как-никак, — сквозь зубы бросил генерал. — Ладно, я позвоню, договорюсь. Все. Распорядись готовить вертолетные звенья к вылету. Выполнять!

— Есть, — выпалил полковник, развернулся на каблуках и вышел из кабинета, ругая себя за то, что так и не решился сказать генералу о том, что из рейда к озе-

ру Куписта вернулось лишь одно вертолетное звено. Но, как бы там ни было, приказ нужно было выполнять.

Любой ценой, какую только запросит за это Зона...

* * *

В автоклавах, похожих на прозрачные коконы, зарождалась жизнь, довольно жуткая с виду. Казалось, будто мумии, лежавшие в стеклянных гробах, одновременно очнулись и теперь пытаются выпутаться из сава-нов, в которые их завернули много тысячелетий назад.

Всего работающих автоклавов, сияющих изнутри нездоровым зеленым светом, было семь. Но все внимание лейтенанта Джека Томпсона занимали лишь два крайних. В них воскресали самые дорогие для Джека люди — его жена и дочь, убитые чудовищем много лет назад.

И вот сейчас чудовище возвращало их к жизни. Стальной экзоскелет с аквариумом из бронестекла вместо головы, в котором плавал живой мозг, вряд ли можно было назвать человеком. Но сейчас этот экзо, двигаясь довольно шустро, метался между автоклавами и пультом управления, явно переживая за результат своего труда. Ученый как-никак. Вернее, был им недавно, пока не превратился вот в это — что, однако, не помешало ему взяться за выполнение своего обещания.

Справедливости ради надо отметить, что далеко не все люди обладают подобным качеством. Однако Джека это почему-то не радовало. Казалось бы, ради вот этого самого момента прилетел он с другого конца земного шара, был убит и выброшен в Зону, но древний артефакт вернул его к жизни... Зачем? Для того, чтобы он выполнил то, в чем поклялся самому себе?

Вряд ли.

Артефактам плевать на человеческие клятвы. У них своя логика, которой людям никогда не понять. Но Томпсону было ясно одно — за то, что сейчас происходит, с него еще потребуют плату.

И немалую.

Уже потребовали...

Он как-то в суете забыл о том, что обещал торговцу убить некоего сталкера по прозвищу Снайпер. И именно сейчас в его голове словно издалека, но в то же время очень явственно звучал неслышный голос:

«Ты обещал его уничтожить, человек... Но не выполнил обещание... Поэтому ты обретешь то, что заслужил...»

Томпсон перевел взгляд на того, кто стоял рядом с ним. Человека, которого он должен был убить — но не убил. Отчасти потому, что узнал о нем, но основной причиной было не это. Джек явно погорячился, дав такое обещание, и сейчас искренне жалел об этом. Получалось, что его жена и дочь возвращаются к жизни грязно — через ложь и чужую смерть. Сейчас, слыша потусторонний голос в своей голове, Томпсон вдруг четко осознал: Зона заставит его выполнить обещанное. Иначе с его вновь обретенной семьей непременно случится что-то страшное — и вновь по его вине. Сможет ли он во второй раз пережить такое?

Причем это могло произойти прямо сегодня. Кто знает, что вылупится сейчас из этих коконов? И что бы оттуда ни вылезло, это уже будут не его жена и дочь. Может, похожие на них как две капли воды, но точно не они.

Слепки.

Копии...

Которым никогда не стать теми прекрасными существами, которых он любил и будет любить вечно.

И которых уже никогда не вернуть...

— Нет, — сдавленным голосом произнес Джек Томпсон. — Останови это.

Механический профессор Кречетов резко замер, слово наткнулся на невидимую стенку.

— Что остановить? — прозвучало из динамика, расположенного на груди экзоскелета.

— Это, — Томпсон ткнул пальцем в сторону автоклавы. — Не нужно. Я осознал. Их уже не вернуть никогда.

— Заканчивай душить, — негромко сказал Снайпер. — Еще несколько минут, и твои...

— Не мои, — перебил его Томпсон. — Мои умерли. И я отпустить их сейчас отсюда.

Он дотронулся до лба.

— И отсюда.

Широкая ладонь полицейского коснулась груди, отчего по его лицу непроизвольно пробежала гримаса боли — то место, откуда вылез жуткий артефакт, еще побаливало.

— Но вы понимаете, что если я сейчас отключу автоклавы, то вы больше никогда не увидите своих родных, так как принесенный вами биоматериал уже использован и его не вернуть.

Томпсон кивнул, и — что уж тут скрывать — это простое движение далось ему непросто. Как и слова, которые он буквально выдрал из своей груди:

— Я понимать. Выключайте.

Динамик на груди Кречетова издал звук, похожий на хмыканье, после чего ученый пробежался стальными пальцами по пультау управления...

Немедленно два автоклава из семи вырубилась. Исчезла едва заметная вибрация мощных стеклянных капсул, пропало негромкое гудение, ядовито-зеленый свет превратился в обычную внутреннюю подсветку. И в этом мертвенно-бледном сиянии было видно, как матрицы внезапно перестали шевелиться.

Они уже успели превратиться в некое подобие человеческих тел — женщины и ребенка, которые слабо, едва заметно двигались, словно готовясь проснуться и вырваться на волю из своих коконов. Но процесс прервался, и шевеление почти сразу прекратилось. Прошло несколько секунд, и на поверхности матриц начали медленно расплываться синюшные пятна, похожие на трупные.

— Лучше на это не смотреть, — сказал профессор, обращаясь к Томпсону. — Матрицы, не завершившие полный цикл возрождения, разлагаются очень быстро. Оно тебе точно надо — разглядывать, как твоя семья превращается в лужу вонючей жижи?

Но полицейский не ответил. Он смотрел не отрываясь.

Чтобы запомнить раз и навсегда.

Их больше нет.

И не будет.

И так лучше для всех — и для них, и для него...

Снайпер тоже смотрел, но не на разлагающиеся матрицы, а на те, что лежали в своих автоклавах, окутанные зеленым туманом. Шла фаза воспоминания, как называл ее Кречетов. Тела принимали форму, которая была запрограммирована в исходной клетке-доноре. И выгля-

дело это странно. Слишком фантастично даже для Зоны, полной самых разнообразных чудес.

Одна из матриц раздавалась вширь и в длину, грозя раздавить автоклав изнутри стопами и головой. Это казалось вполне реальным, ибо на теле матрицы уже видны были практически сформировавшиеся части старого экзоскелета, при жизни его владельца намертво приросшие к телу.

Другая матрица, наоборот, стремительно ужималась в размерах. И не нужно было гадать, кто именно из нее получится, так как уже хорошо узнаваемы были выпирающие под белесой пленкой кокона большие уши и мордочка, странным образом одновременно похожая и на лисью, и на человеческую...

— Каждый раз не перестаю удивляться, — прогудел Кречетов. — Хотя осознаю, что, по большому счету, атомы — это маленькие кирпичики, из которых можно построить что угодно. Главное, знать, как строить!..

В его механическом голосе слышалась нескрываемая гордость. Наверно, он говорил бы еще, если б с потолка не упала огненная капля. Упала — и разбилась возле ног Кречетова на крохотные фрагменты, продолжающие гореть.

Ученый инстинктивно сделал шаг назад и задрал вверх свой аквариум. Непонятно, чем он смотрел, так как в сосуде на его плечах глаз не наблюдалось, но среагировал быстро:

— Напалм! — визгливо, словно пилой по стеклу провели, воскликнул он. — Они залили зал сумм напалмом! Еще несколько минут, огонь просочится через потолок, и все здесь сгорит к чертям! Бегите!!!

Он ринулся к контейнеру, в который сунул половинку академика Захарова, схватил его своими лапищами, выдрал из пола и помчался куда-то в глубь зала.

— Наверно, он очень хочет жить, — задумчиво сказал Томпсон, глядя ему вслед. И произнес он это голосом человека, который искренне удивляется людям, имеющим такие странные желания...

* * *

Потолок набухал огнем. Жидкое пламя просачивалось сквозь щели перекрытий — а может, и прожигало их. Напалм бывает разным. Например, пирогели способны прожигать даже металл, достигая температуры порядка тысячи шестисот градусов...

Я смотрел, как шустро сваливает Кречетов, и понимал — в данной ситуации это единственно верное решение. Если, конечно, мы еще планируем немного пожить. С напалмом шутки плохи. Не сгоришь, так задохнешься от дыма, которого эта гадость при сгорании выделяет немалое. И самое паскудное, что я ничем не мог помочь своим друзьям.

Я раньше видел, как проходит процесс превращения мертвой матрицы в живое существо. И понимал, что до окончания трансформаций осталось минут пятнадцать. Но за это время напалм гарантированно зальет лабораторию полностью, и мы здесь просто сдохнем вместе с матрицами, которые так никогда и не станут моими друзьями, вернувшись с того света.

— Кречетов прав, бежим отсюда, — сказал я Томпсону. И даже за рукав его дернул, чтоб он пришел в себя,

оторвал наконец взгляд от автоклавов и вернулся в реальность.

— Зачем? — пожал плечами лейтенант.

— Хотя бы затем, чтоб твоя американская задница не поджарилась, так ведь у вас говорят? — раздраженно бросил я.

— Пусть жарится, — невесело усмехнулся Джек. — Мне уже все равно.

Подобное отношение к собственной жизни я всегда считал слюнтяйством. Но Томпсон не был слабовольным бесхребетником из тех, кто при виде опасности цепенеет и стонет «оставьте меня, я лучше умру». И его можно было понять. Отказаться от своей мечты, когда вот она, перед тобой, почти сбылась, — это очень тяжелое решение, которое мог принять только сильный человек.

Но и сильные порой ломаются...

И тогда им надо помочь вновь обрести себя.

Ну, я и помог, коротко, без замаха треснув лейтенанту кулаком в точку, расположенную под мочкой уха. Если в нее удачно попасть, человека вырубает на месте. Меня туда били, я знаю. Ощущение, будто выключателем щелкнули. Раз — и ты проваливаешься в кромешную темноту, из которой можно потом и не вынырнуть, если удар нанесен достаточно сильно.

Но я все правильно рассчитал, кость под кулаком не хрустнула. Но в то же время Томпсона как тараном снесло, еле успел подхватить его за навороченную камуфлу. После чего я присел, закинул себе на плечи бесчувственное тело и как можно быстрее пошел в том направлении, куда умчался Кречетов. Все-таки лучше спасти одного живого человека, чем бессмысленно умереть вместе с теми, кому, к сожалению, не суждено воскреснуть...